

КОММЕНТАРИЙ • КУЛЬТУРА

Мой черный мяч

Состоялась премьера спектакля «Коридор Барто» от независимого театрального проекта Жени Беркович

Сцена из спектакля. Фото: Ира Полярная / sosodaughters.com

12:51, 27 декабря 2024,

Лариса Малюкова

обозреватель «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Мой веселый звонкий... Нет, мой черный мяч...

С его равномерного навязчивого стука об пол начинается премьерный спектакль «Коридор Барто» театрального проекта «Дочери СОСО». А в голове звучит «Мой черный человек» Высоцкого: «И, улыбаясь, мне ломали крылья, / Мой хрип порой похожим был на вой, / И я немел от боли и бессилья / И лишь шептал: «Спасибо, что живой».

Во времена, когда слова как снаряды падают на головы авторов, режиссеры предпочитают ставить «спектакли своими словами или вовсе без слов». Поставила такой режиссер и хореограф Анна Закусова. «Коридор Барто» — это спектакль-сон, собранный из детских игрушек, ровной и текущей пластики, серпантина, детских плачей, страхов. Страхов, которые никуда не исчезают, а текут посеребренным елочным дождиком из глаз.

Сцена из спектакля. Фото: Ира Полярная / sosodaughters.com

Из колыбельной Барто, которая убаюкивает, не отпускает, тревожит, как этот ритм, заданный мячом.

Виолончель выпрастывается из рок-муз и поет ноя (задающая настроение тревоги и боли партитура Ольги Шайдуллиной).

И взрослые девочки в воздушных белых — словно на утреннике — платьях с посеребренными нитями дождя из глаз шепчут то ли молитву, то ли детские стишки.

Плачет Таня — и из ее слез течет река. А может быть, мы сами уже в реке? Течем-истекаем рекою.

Пластмассовые красно-желтые самосвалы везут нас из детства и не «вывозят». И не найти нам средства, чтоб вновь попасть туда.

Не плачь! В монологе Тани — злость ко всем этим формально-гладким утешениям, заполонившим соцсети: Не плачь! Держись! Поплачь, легче станет! Да и вообще, чего плакать, сами во всем виноваты. Сама виновата.

И Таня плачет одна: безутешно, навзрыд.

Девочки как заведенные куклы не могут остановиться... а доска кончается.

Падает на пол и поднимается героиня в черном в исполнении Дарьи Ворохобко.

Падает и встает, падает и встает, падает....

И начинается колыбельная-хоррор: баюшки у дороженьки / там, где тьма сейчас, я упаду.

Сцена из спектакля. Фото: Ира Полярная / sosodaughters.com

Все очень просто. И вопросы — проще не бывает. Безответные. Как я держусь? Кто я? Как я? Почему мне не страшно, почему мне страшно?

Но главный «монолог» рождается из немоты — как в прологе «Зеркала»: «Я могу говорить».

Из сурдоперевода, отдельных мычащих режущих и рвущихся из онемевшего горла слогов и жестов. Вплоть до крика: «Горит на солнышке флажок, как будто я огонь зажег!»

И музыки уже нет. И спектакль закончен. А в голове не прекращается этот стук-ритм пролога. Пробуждая спящие рифмы к детскому слову «мяч»: не плачь, вскачь... палач.

P.S.

В премьерные дни спектакля у автора театрального

проекта «Дочери СОСО» Жени Беркович во Власихе шел Апелляционный военный суд, по результатам которого срок Жени продлен до 5 лет и семи месяцев, а Светланы Петрийчук — до 5 лет и 10 месяцев.
